

Сплав языков и культур в ремесле кубачинских ювелиров

Статья посвящена особенностям лексики ювелирного дела известной в России этногруппы кубачинцев. Ювелирное дело кубачинцев — яркое явление дагестанской, кавказской и российской художественной культуры начиная с XIX в. Исторические аспекты лексики их языка, заимствованной из других языков, — малоизученное в языкознании явление. Изучение таких лингвистических материалов позволит расширить научные представления об особенностях кубачинского языка. В лексику кубачинского языка, касающуюся ювелирного ремесла, входят как местные (исконные), так и иноязычные, заимствованные компоненты. В лексике, относящейся к ассортименту женских украшений, оружейных изделий, медной посуды, орнаментальных мотивов, материалам оборудованию ювелирного дела, есть заимствования из персидского, иранского, арабского, тюркских, русского языков. Многие иноязычные термины проникли в кубачинский язык через посредство тюркских и русского языков. Лексика кубачинского ювелирного дела значительно обогатилась в конце XIX — XX в. В это время большое влияние на язык кубачинских ювелиров оказал русский язык. Во время перестройки и в постсоветский период истории России кубачинские ювелиры переняли многие технологии и термины, связанные с обработкой золота и изготовлением популярного ассортимента женских украшений из золота с использованием драгоценных и поделочных камней. В это время кубачинские ювелиры стали изготавливать из золота женские украшения с названиями «звездочка», «тарелка», «елочка», «змейка», «вирсаче». Это были повторения мировых брендов женских украшений под русскими названиями или названиями из европейских языков.

Ключевые слова: художественная обработка серебра, ювелирное искусство, мастер-ювелир, медницкое дело, женские украшения, декоративная отделка оружия, художественные промыслы и ремесла Дагестана

The article is devoted to the peculiarities of the jewelry vocabulary of the well-known Kubachin ethnic group in Russia. Kubachintsev jewelry is a vivid phenomenon of Dagestan, Caucasian and Russian artistic cultures since the nineteenth century. The historical aspects of the vocabulary of their language, borrowed from other languages, are a little-studied phenomenon in linguistics. The study of such linguistic materials will make it possible to expand scientific understanding of the peculiarities of the Kubachi language. The vocabulary of the Kubachi language, concerning its jewelry crafts, includes both local (native) and foreign-language borrowed components. Thus, the vocabulary of women's jewelry, weapons, copper utensils, ornamental motifs, materials, and jewelry-making equipment includes borrowings from Persian, Iranian, Arabic, Turkic, and Russian languages. Many foreign terms entered the Kubachi language through the Turkic and Russian languages. The vocabulary of Kubachi jewelry-making significantly expanded in the late 19th and 20th centuries.

Keywords: artistic silver processing, jewelry, jeweler, coppersmith, women's jewelry, decorative decoration of weapons, arts and crafts of Dagestan

Введение

Среди традиционных видов искусства Дагестана, его художественных промыслов и ремесел выделяется ювелирное дело — творческий труд мастеров, издавна занятых обработкой драгоценных металлов и камней. Особенно широко известны ювелиры села Кубачи, которые в основном занимались изготовлением художественно декорированного оружия и женских украшений. Ювелирное дело мастеров-кубачинцев широко известно в России со времени присоединения Дагестана к России в XIX в.

Заимствованные термины в языке кубачинских ювелиров можно разделить на несколько групп.

Прежде всего выделяются слова, давно проникшие в кубачинский язык. Речь идет об относительно небольшой группе лексики, заимствованной из персидского языка в эпоху раннего Средневековья.

В эпоху развитого Средневековья, когда формировались традиции изготовления женских украшений и художественной отделки оружия, среди заимствований появились термины, проникшие в кубачинский язык из арабского и тюркских языков.

В Новое время, с присоединением Дагестана к России и ростом отходничества кубачинских мастеров в города Кавказа, стало расти число заимствований из русского языка.

В советскую эпоху появляются новые заимствования из русского и других языков; это термины, обозначающие новые виды декора, новые формы посудных изделий, украшения костюма, сувениры, сложные предметы из серебра, заводские материалы и инструменты, используемые ювелирами для работы.

В отдельную лексическую группу выделяются названия орнаментов, используемых ювелирами села Кубачи, т.к. здесь также есть немало заимствованных терминов.

В области изучения лексики кубачинского языка сегодня накоплен значительный опыт. Пионером научного изучения кубачинского языка был кавказовед, лингвист, уроженец с. Кубачи А.А. Магометов, который в 1940 г. по совету известного грузинского языковеда А.С. Чикобава начал изучение родного ему кубачинского языка. Ему принадлежат и первые попытки изучения терминологии ювелирного дела кубачинских мастеров. Статья А.А. Магометова «Терминология кубачинских златокузнецов» [1] содержит многие заимствованные из других языков термины, проникшие в язык кубачинцев на протяжении длительного исторического периода. Для межязыковых сравнений на предмет заимствований из других языков при написании статьи нами привлекались материалы из большого «Даргинско-русского словаря» Х.А. Юсупова [2]. Ряд материалов из кубачинского языка на данную тему был собран и опубликован нами вместе с соавтором Н.И. Саидовым-Аккутта [3].

Основная часть

Инокультурные влияния на формирование и развитие лексики кубачинского языка в области ювелирного дела

Кубачинский язык, формировавшийся на протяжении многих столетий, отразил языковые реалии многих художественных производств, этапы развития кубачинских ювелирных промыслов и ремесел. Мы не будем углубляться в исторические особенности развития таких производств, а сосредоточимся на исследовании роли инокультурных контактов кубачинских ювелиров в формировании такой лексики.

Ранняя история кубачинского ювелирного дела и кубачинского языка плохо изучена. По письменным источникам известно лишь, что кубачинцы в раннее Средневековье занимались обработкой железа, изготовлением защитного доспеха, кольчуг, конской сбруи, холодного оружия. Поэтому можно предположительно назвать ряд терминов, связанных с ювелирной обработкой металлов и, возможно, проникших из других языков в тот период.

Прежде всего назовем заимствования из персидского языка: *пумле*, *танакар*. Сразу оговоримся, что дальнейшее более глубокое исследование темы позволит уточнить наши предварительные этимологические экскурсы-наблюдения. Хорошо известны связанные с ювелирным делом термины: куб. *пумле* «трубка — поддувало воздуха для ювелирной пайки» (происходит от перс. «труба, соединяющая горн с мехом»); *танакар* (перс. *дэпэкэр* букв. «мастер по зерни», «филигранщик») — минерал, используемый современными ювелирами для пайки серебряных изделий и накладывания черни на их гравировку. Возможно, в это время проникают в кубачинский язык и слово персидского происхождения *накыш* «узор», слово арабского происхождения *сурат* «изображение».

В период развитого Средневековья благодаря связям кубачинцев через г. Дербент со странами Закавказья, Ближнего Востока и Ираном в Кубачи получает развитие ювелирное дело с использованием драгоценных металлов и камней. Кубачинские ювелиры стали изготавливать свадебные женские украшения с филигранью и вставками самоцветов, отделять оружие (холодное и огнестрельное) серебряной оправой. Как правило, такое оружие украшалось декоративной техникой

гравировки и черни по серебру, насечкой золотом (или серебром) по железу и слоновой кости. Возможно, к этому времени относятся и лексемы, обозначающие драгоценные камни, которые были популярны среди кубачинских ювелиров при изготовлении женских украшений: колец, браслетов и нагрудных подвесок. Названия этих камней были заимствованы из разных языков.

Приведем названия ряда драгоценных (поделочных) камней и других материалов, используемых кубачинскими ювелирами в своей работе: *алмас* «алмаз», *якьут* «яхонт», *зумрут* «изумруд», *жавгьар* «жемчуг, вид драгоценного камня», *садап* «перламутр», *пируза* «бирюза». В кубачинском языке встречаются также названия вставок в ювелирные украшения, такие как *ляйлулла кьакьа* «камень лал» (научное название «благородная шпинель», от перс. *лал* «рубин»), *юсрулла шумиш* (араб. *юсру* «янтарь») [4. С. 526].

К данной группе лексики, сформировавшейся в указанный период, можно отнести и термин *маскав-накьиш* (букв. «московский узор»). Как писал Е.М. Шиллинг, «москов накьиш», безусловно, результат воздействий извне. Его мотивы могли проникнуть в с. Кубачи в XVI в., когда стали крепнуть связи между Кавказом и Московским государством [5. С. 123].

Важным для ювелиров с. Кубачи стал период XIX — начала XX в. Отходники-ювелиры, выезжавшие в это время из Кубачи в другие города Кавказа, России, Закавказья, Средней Азии на заработки, работая там в традиционных ювелирных техниках родного села, осваивали и новые технологии и приемы мастерства. Так в кубачинский язык входят иноязычные термины ювелирного дела (наименования материалов и технологий) из русского, азербайджанского, иранского и грузинского языков. Например, кубачинское название *мина* «эмаль» по происхождению является иранизмом (иранское «минакар» — «мастер по эмали»).

А.А. Магомедов приводит в своей статье термины, вошедшие в ювелирное дело кубачинцев через русский язык: *кусачка* «кусачки», *кислатла* «соляная кислота», *куплрус* «серная кислота», *паташ* «поташ», *наждак* «наждачная бумага», *калпак* «колпак над горном», *гарам* «грамм», *килу* «чернь» (чернение узора). Популярными в это время стали и термины *варшав* «сплав фразе» или «варшавское серебро», *никлil* «никель», *милхиур* «мельхиор» [1. С. 518–520].

Интересен и термин *милхиур* «мельхиор», заимствованный кубачинскими ювелирами из русского языка. В России конца XIX — начала XX в. он обозначал лом или посеребренные изделия варшавских фабрик. Старшее поколение кубачинских мастеров хорошо знало этот термин (нем. «нейзильбер»), обозначающий посеребренный сплав меди, никеля и цинка. На советских фабриках в сплав уже не добавляли цинк и изделия из него не серебрились, как на предприятиях дореволюционной Варшавы. Многие дагестанские ювелиры (кубачинцы, лакцы) в начале XX в. трудились в Варшаве и научились работать с этим сплавом, изготавливая недорогие изделия для продажи [6. С. 114].

К этому же времени можно отнести и заимствованное кубачинцами слово *лямтяш* (тур. «мелкозернистый камень-песчаник»), обозначавшее точильный камень, необходимый мастерам для затачивания стальных гравировальных резцов. Его распространение также относится к XIX в., когда усиливаются связи российского Кавказа с Турцией. В это время в Кубачи для производства кубачинской водоносной посуды и сувениров широко используется желтая медь (латунь) под кубачинским названием *мазгай* (от тюрк. *мискап* «мастер по меди»).

Интерес представляет и новый термин кубачинских ювелиров, возникший на основе европейских традиций ювелирного дела. В XIX в. сплав «нейзильбер» (белый сплав «под серебро») стал активно использоваться как заменитель серебра в недорогих изделиях. Цветной сплав «нейзильбер» получали путем добавлением в мельхиор цинка. Сплав типа «нейзильбера» кубачинские ювелиры сами стали изготавливать в 1930-е гг., сплавляя хорошо известный здесь лом латунной посуды и привозной (из городов) никель; они называли его химия [7. С. 378]. Такой сплав был белым, как серебро, его можно было гравировать стальным резцом, он хорошо принимал чернь, и изделия из него трудно было отличить от серебряных. А название возникло потому,

что это была эпоха развития в стране образования и слово «химия» было на слуху у многих, в том числе у ювелиров, использующих различные минералы и химикаты в своей работе.

Известны также другие слова, заимствованные из русского языка и ставшие терминами кубачинских ювелиров в начале XX в.: *куплрус* «серная кислота», *иминникI* «именник» (клеймо на изделии из драгметаллов, наносимое государственной инспекцией, на котором содержится информация о производителе или пробе металла). С благородными металлами связан и новый для начала XX в. термин, появившийся из русского языка, — *ппуруб*, *ппурубче* «пробирщик» (тот, кто ставит пробу на благородных металлах; сотрудник пробирной палаты). Отсюда и выражение *ппуруб бехи* «маркировать пробой», букв. «пробу ударить».

В советский период с организацией в Кубачи художественной артели в ювелирное дело кубачинцев проникает немало новых терминов из русского языка. В их числе были слова *артил* «артель», *цих* «цех Кубачинской художественной артели», *палан* «план артели», *падаркIалла гIяче* «подарочные ювелирные изделия» и др.

В советское время новации возникали и в других областях ювелирного дела. Так, мастера гравировки, чтобы ускорить работу, стали затачивать рабочий резец по-новому. В результате у мастеров появился «канавочный» резец *къанав дуп*, позволяющий легко проводить четкие контурные линии на узорных гравировках на поверхности изделий. Еще раньше закрепились в языке ювелиров Кубачи и заимствованные из русского языка названия шашки (куб. *шушка*), ножа-финки, перенятого в 1930-е гг. с популярного в это время «ножа НКВД» (куб. *пункIа*). Кубачинские мастера не стали копировать его, а разработали уменьшенную копию традиционной, хорошо знакомой мастерам восточной сабли. Такой нож можно было носить в кармане пиджака или брюк, т.к. ношение кинжалов было запрещено законом с начала 1930-х гг.¹

В постсоветское время (1990-е гг. — начало XXI в.) в ювелирное дело кубачинцев проникают термины, связанные с обработкой золота и изготовлением женских украшений и холодного оружия в оправе из золота и с вставками из драгоценных и поделочных камней. Это *кармазин* «каст для кольца с многими вставками», закрепка «закрепка ювелирной вставки», *цIуб къакъа* «ювелирная вставка» (букв. «белый камень», «бриллиант»), *циркун* (ювелирная вставка «циркон»), *литье* (точное литье кастов, других деталей для ювелирных украшений). Кубачинские ювелиры, вернувшиеся из мест отходничества, в это время изготавливают украшения из золота с вставками из белых камней (бриллиантов, цирконов), женские украшения с названиями *звездочка*, *тарелка*, *елочка*, *змейка*, *вирсаче*². Такие названия повторяли русские или заимствованные из европейских языков наименования брендов женских украшений, популярных в мировой моде.

В советское время началось и широкое увлечение ювелиров Кубачи изучением и зарисовками вариантов традиционных узоров ювелирных изделий. В условиях развития образования ведущие мастера артели еще с 1930-х гг. стали собирать коллекции различных узоров, чтобы использовать их в дальнейшей работе при изготовлении изделий. Тогда же стала формироваться практика подготовки ими альбомов с карандашными зарисовками узоров. Не случайно Северо-кавказский комитет Главнауки в 1927 г. даже предлагал издавать богато иллюстрированные альбомы и книги с узорами, посвященные кубачинскому промыслу и аулу Кубачи. В это же время мастер Саид Магомедов стал создателем множества карандашных эскизов новых форм изделий. Карандашными рисунками увлекся в те годы и мастер Магомед Алиджанов, который в 1928 г. дал в своих карандашных рисунках изображения на современные темы. Не случайно, как писал Е.М. Шиллинг, у хорошего кубачинского мастера вы можете найти «целую кучу эстампажей, сделанных с лучших вещей, — оттисков, накопленных за долгую практику и особенно

¹ Полевой материал автора, 2003, с. Кубачи. Информатор Гужаев Г.Г. (1948 г.р.).

² Полевой материал автора, 1990, с. Кубачи. Информатор Алиханов Р.А. (1922–2000).

пополнившихся за последние годы» [5. С. 132–133]. Такое собирательство различных узоров стало для многих ювелиров творческим увлечением. Е.М. Шиллинг, основательно изучивший кубачинское ювелирное искусство, дал в своей книге зарисовки многих элементов кубачинских орнаментов и записал их названия. В своей книге он привел 22 элемента узоров. Под влиянием практик кубачинских ювелиров, которые стали увлеченно зарисовывать карандашом или тушью разнообразные авторские вариации узоров с изделий мастеров, в это время появляется немало новых названий узоров и композиций орнаментов.

В кубачинских ювелирных узорах немало элементов, сформировавшихся на основе впечатлений мастеров от поездок в регионы Кавказа, Закавказья, Турцию, другие страны Ближнего Востока, Европы. Особенно это влияние заметно, как указывал Е.М. Шиллинг, в кубачинских традициях обработки серебра, в технике гравировки по серебру, в названиях узоров и их элементов [Там же. С. 122].

Кубачинский ювелирный орнамент является «по преимуществу растительным», подчеркивал Е.М. Шиллинг. В данном контексте мы считаем удачным и уточненное его название, данное искусствоведом П.М. Дебировым, который характеризовал его как «тип орнамента растительного стиля» [8. С. 78].

Е.М. Шиллинг обратил внимание и на то, что среди названий кубачинских орнаментов есть наименования, которые отражают знакомство кубачинских мастеров с узорами многих народов и регионов России, Кавказа, других мест. Это слова *кѡжар*, *испагъан*, *иран*, *гурже-накыиш*, *арманиталла накыиш*, *чаргас-накыиш*, *бухарилла-накыиш*, *парах-накыиш*, *чухла-накыиш*, *ахтала-накыиш*, *чячянталла-накыиш*, *асатлунталла-накыиш*, *житумирра накыиш*. В этих названиях упоминаются страны Иран, Грузия, Осетия, Чечня, Черкесия, Армения, города Исфаган, Бухара, Житомир, дагестанские села Чох, Ахты.

Подробно излагает исследователь и новые веяния, связанные с советской тематикой в ювелирных узорах. Речь об орнаментах-надписях на современных (1920-е гг.) Е.М. Шиллингу вещах, содержащих различные лозунги, строки мемориального характера, имена заказчиков или исполнителей. Такие узоры (композиции) имели только русские названия. Также не сформировались отдельные названия на кубачинском языке для композиций узоров сложных изделий, выполненных известными мастерами Кубачинской художественной артели и комбината во второй половине XX в. [3. С. 74].

Среди узоров изделий мастеров ювелирного промысла Кубачи советского периода исследовательница О.И. Брюзгина называет также узоры типа *хатI накыиш* «почерк-узор». По ее словам, это «совершенно новый тип орнаментальной надписи, содержащей цифры торжественных дат и подписи на русском языке, своего рода *хатI маскав накыиш*, “московский узор-почерк”, который выполняли стилизованной под арабскую вязь кириллицей» [9. С. 52–53].

Заключение

Лексика ювелирного дела кубачинцев давно стала обогащаться словами, заимствованными из разных языков. Этому способствовали контакты кубачинских мастеров с купцами и мастерами прикаспийских и ближневосточных стран. Кубачинцы активно торговали своими изделиями (оружием, наборами конской сбруи и пр.). От традиций изготовления защитных доспехов, конских уборов в эпоху Средневековья кубачинские мастера перешли к практикам изготовления женских украшений, украшений для мужского костюма, художественно отделанного холодного и огнестрельного оружия, различных сувениров и так называемых «высокохудожественных подарочных изделий».

Лексика кубачинского ювелирного дела достаточно разнообразна. В ее составе термины из персидского, арабского, турецкого и (особенно много) русского языков. Лексика ювелирного дела меняется и сегодня. С появлением новых форм изделий, технологий, декора, дизайна украшений, оружия в лексике появляются новые заимствованные слова. Под влиянием мировых новаций в тенденциях моды кубачинское ювелирное дело продолжает развиваться, приобретая черты интерстиля, индивидуализации творческих поисков, нивелирования локальных стилей. В этих условиях меняется и лексика ювелирного дела: она все больше включает в себя термины новых технологий и дизайна.

Литература

1. Магомедов А.А. Терминология кубачинских златокузнецов // Ежегодник иберийско-кавказского языкознания. Вып. 2. Тбилиси, 1975. С. 233–245.
2. Юсупов Х.А. Даргинско-русский словарь. М.: Перо, 2017. 1136 с.
3. Магомедов А.Дж., Саидов-Аккутта Н.И. Кубачи: язык, фольклор / отв. ред. Г.Г. Тикаев. Махачкала: ИЯЛИ ДНЦ РАН, 2010. 584 с.
4. Магомедов А.Дж. Названия женских украшений, драгоценных камней и художественных тканей кубачинцев // Отраслевая лексика дагестанских языков: материалы и исследования. Махачкала: ИИЯЛ ДагФАН СССР, 1984. С. 127–134.
5. Шиллинг Е.М. Кубачинцы и их культура: историко-этнографические этюды / отв. ред. И.И. Кушнер. Махачкала: Зирихгиран, 2012. 240 с.
6. Гусейнов А.Г. Кубачи и кубачинцы. Махачкала: Дагкнигоиздат, 2000. 278 с.
7. Магомедов А.Дж., Саидов-Аккутта Н.И. Кубачинско-русский словарь / отв. ред. Х.А. Юсупов. Москва: Наука, 2017. 544 с.
8. Дебиров П.М. История орнамента Дагестана. Возникновение и развитие основных мотивов / науч. ред. П.Р. Гамзатова. М.: Наука, 2001. 416 с.
9. Бриюзгина О.И. Ювелирное искусство Кубачи. М.: Интербук-бизнес, 2006. 158 с.

References

1. Magometov A.A. Terminologiya kubachinskikh zlatokuznetsov // Ezhegodnik iberiisko-kavkazskogo iazykoznanii. Vyp. 2. Tbilisi, 1975. S. 233–245.
2. Iusupov Kh.A. Darginsko-russkii slovar'. Moscow: Pero, 2017. 1136 s.
3. Magomedov A.Dzh., Saidov-Akkutta N.I. Kubachi: iazyk, fol'klor / otv. red. G.G. Tikaev. Makhachkala: IIALI DNTs RAN, 2010. 584 s.
4. Magomedov A.Dzh. Nazvaniia zhenskikh ukrashe-nii, dragotsennykh kamnei i khudozhestvennykh tkanei kubachintsev // Otrasleyvaia leksika dagestanskikh iazykov: materialy i issledovaniia. Makhachkala: IIALI DagFAN SSSR, 1984. S. 127–134.
5. Shilling E.M. Kubachintsy i ikh kul'tura: istoriko-etnograficheskie etiudy / otv. red. I.I. Kushner. Makhachkala: Zirikhgiran, 2012. 240 s.
6. Guseinov A.G. Kubachi i kubachintsy. Makhachkala: Dagknigoizdat, 2000. 278 s.
7. Magomedov A.Dzh., Saidov-Akkutta N.I. Kubachinsko-russkii slovar' / otv. red. Kh.A. Iusupov. Moskva: Nauka, 2017. 544 s.
8. Debirov P.M. Istoriia ornamenta Dagestana. Vozniknovenie i razvitie osnovnykh motivov / nauch. red. P.R. Gamzatova. Moscow: Nauka, 2001. 416 s.
9. Briuzgina O.I. Iuvelirnoe iskusstvo Kubachi. Moscow: Interbuk-biznes, 2006. 158 s.

Магомедов Амирбек Джаилилович,
доктор исторических наук, главный научный сотрудник
Институт языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы
Дагестанского федерального исследовательского центра
Российской академии наук (Махачкала, Россия)

Magomedov Amirbek Dz.,
Doctor of Historical Sciences, Chief Researcher
G. Tsadasa Institute of Language, Literature and Art of
the Dagestan Federal research Center of
the Russian Academy of Sciences (Makhachkala, Russia)

<http://orcid.org/0000-0001-7852-3766>
e-mail: amirbek.49@mail.ru

Статья поступила: 01.03.2026
Принята к печати: 26.04.2026